

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОППОЗИЦИОНЕР	5
УКРПРОСВЕТ	50
В ТРЕВОЖНОЙ ОДЕССЕ	87
В ОГНЕННОЙ ЗАПАДНЕ	159
СКОВАННАЯ СТРАХОМ	199
ОПЕРАЦИЯ СПАСЕНИЯ	266
Я ТАК РЕШИЛ	310

ОППОЗИЦИОНЕР

Познакомились они случайно. Она училась на первом курсе, а он — на втором, она была коренная питерская, а он — из Якутии, она получала специальность экономиста, он — инженера-механика. Дороги таких студентов редко пересекаются. И всё же они встретились. Она пришла на консультацию по математике, но в указанной в расписании аудитории сидели одни парни, столь редкие среди экономистов. Она, смутившись, захлопнула дверь, но та вдруг распахнулась, и из аудитории выглянул незнакомый молодой человек, который предложил:

— Девушка, ну что же вы? Заходите, не стесняйтесь, здесь все свои! Я, например, Пётр, и я хороший. Скажи, Пашка, — обратился за поддержкой к сидящему на первой парте парню.

Хороший парень был симпатичным и весёлым. В нынешний обособленный век такая вольность в общении её удивила, но понравилась. Когда после консультации она вышла из светлой аудитории в полутёмный коридор, ей навстречу кинулся тёмный силуэт:

— Жизнь или поцелуй! — зарычал он.

Конечно, это был он, Петя. Конечно, она перепугалась. И, безусловно, обрадовалась.

— Я специально тебя дожидаюсь, вдруг, думаю, младший товарищ чего-то не поймёт на консультации, и надо его взять на буксир. Как тебя зовут?

— Ира, — тихо ответила девушка.

— А, Ириска! — воскликнул Пётр.

— Почему Ириска?

— Потому, что такая же сладкая и няшная, как ириска, к тому же ещё и Ира! Так что отныне ты Ириска.

— А если мне не нравится такое имя?

— Нравится — не нравится, скоро привыкнешь. Тебя же так будет называть любимый человек!

— А с чего ты взял, что я буду тебя любить?

— По глазам вижу, что ты уже влюбилась в меня с первого взгляда, как и я в тебя, — уверенно ответил Петька, увлекая её вслед за собой под дождливое ноябрьское небо Питера.

— А я тебя тогда буду звать Пека, — вдруг сказала Ирина, решительно взяв парня под руку.

— Как-как? — удивился Петька и всем корпусом развернулся к Ирине.

— Пека. Так в Финляндии называют Петек. Я там в языковом лагере летом после девятого класса была.

— Пекой звали твоего финского дружка?

— Нет, так звали нашего учителя английского, немолодого финна с большой лысой го-

ловой, но он был таким милым и добрым, что и мне захотелось так назвать тебя.

— Ну, тогда лады, ты — Ириска, я — Пека, — быстро согласился Петька. — В этом даже что-то есть. Зови, разрешаю. — Тебе куда? На метро? Я тебя до него провожу, дальше не могу, мне на работу.

— А кем ты работаешь? — поинтересовалась Ира.

— О, я менчердайзер в супермаркете, то есть главный по раскладке товара на полках, — сказал парень и, проводив девушку до дверей метро и взяв её телефон, скрылся в сумерках осеннего Питера.

Он позвонил вечером и долго смешил её, на следующий день нашёл в универе и утащил на концерт группы «Суббота». В фойе киноконцертного зала «Октябрьский», где должен был состояться концерт, Пётр представил Иру своим друзьям-сокурсникам.

— Вот она, замечательная девочка Ириска, которая поразила недавно воображение нашего дружного мужского коллектива, но выбрала из нас самого достойного — Шкодина Петра Андреевича!

— Ну, это она погорячилась, — хмыкнул стоявший рядом с Петькой его приятель Пашка, — она ещё не знает, на что подписалась. Ей бы лучше на Терминаторе своё внимание сосредоточить, — кивнул он на невысокого, подтянутого паренька, стоявшего с ним рядом. — Строг, но справедлив, никаких глупостей.

— Я не Терминатор, я — Рома, — представился парень Ирине. — К сожалению, у меня девушка есть. Она сегодня на репетиции в балетной школе и прийти не смогла.

— Ну вот, когда всё открылось, что же ты молчал? — удивился Пашка и продолжил подбирать подходящую кандидатуру из своих друзей. — Матроса я не предлагаю, — кивнул он в сторону стоявшего поодаль статного парня с аккуратной стрижкой-канадкой на голове, занятого беседой с яркой девицей в свитере, усеянном блёстками, и в сиреневых легинсах, обтягивающих широкие бедра. — Матрос у нас тоже человек практически женатый.

— А почему Терминатор и Матрос? — улыбнулась Ира.

— Ты сама скоро поймёшь, если будешь с нами общаться, — ответил за друга Пётр. — У нашего Ромы стальной характер, одним словом — терминаторский, он утром зарядку делает, на все занятия ходит и не опаздывает, в проруби купается, шуток не любит. А Глеба зовут Матросом, потому что всегда в тельняшке, даже сегодня.

— Эй, ты чего там моё честное имя склоняешь? — повернулся к друзьям Глеб, демонстрируя ту самую тельняшку, выглядывающую из отворотов белой рубашки.

— Да вот, девушка интересуется, почему ты всегда в тельняшке ходишь? — засмеялся Петька.

— А что, ты ещё не успел ей растрепать, что я коммунист? Понимаете, на кожанку у меня

денег пока не хватает, так что пока тельняшка, — как символ революции.

— Паша, а чего ты себя не предлагаешь моей девушке? — спросил Петька у Павла.

— Я вне игры, так как в любовь не верю. Увы, Ириша, из этого следует, что остаётся из нас только этот баламут — Петька, но ты должна знать, что он человек-сюрприз. Мой святой долг, как лучшего его соседа по парте, предупредить об этом.

— Ну вот, а я считал тебя настоящим другом, — прикинулся обиженным Петя, — а теперь вижу, что не друг ты мне. Прощаю, но только за то, что себя Ириске не предложил. Ириша, он у нас человек уникальный. Я его вначале Ломоносовым звал. Представляешь, он троечник из какой-то Тмутаракани, пришёл, как Ломоносов, в Питер пешком, стал тут отличником и бизнесменом. Даже тачку купил!

— Во-первых, не из Тмутаракани, а из Сараево, — достойно ответил Паша. — И не пешком, а на перекладных, а, во-вторых, учился я на тройки, но по ЕГЭ получил 250 баллов. И не бизнесмен я вовсе, а помогаю одному земляку на рынке. Меня содержать в Питере некому, у меня одна матушка, учительница младших классов.

— Из Сараево? — удивилась Ира. — Это же в Боснии, я там была на экскурсии, когда в прошлом году с родителями ездили отдохнуть в Хорватию.

— Да нет, — смутился Павел, — Сараево — это наше село в Вологодской области. Чтобы

к нам попасть из Питера, надо вначале почти сутки ехать поездом до Вологды, потом на электричке часа четыре до Кич-Городка, а потом ещё полчаса лететь на кукурузнике. Места, надо сказать, глухие, но село большое и школа нормальная.

На протяжении всего концерта компания друзей Петра зажигала по-полной: подпевали, прыгали, танцевали и дурачились. Даже строгий Терминатор изображал на своём лице отвязное настроение, даже степенный Глеб размахивал над головой снятым с плеч джемпером, даже не знающий слов Павел широко открывал рот и что-то мычал, подпевая. То, что творил Петька, передать было невозможно: он скакал, кричал и непрерывно тормозил подружку.

— Ну что, целоваться будем? — заглянул он ей в лицо, когда вышли после концерта на холодный Лиговский проспект и двинулись в сторону станции «Площадь Восстания».

— А что, надо? — улыбнулась Ира.

— Надо, Ириска, надо, — ответил Петька и припал к её губам своими, горячими и влажными.

Ира целовалась с парнем впервые, если не считать неумелых поцелуев с соседом по даче, пареньком, который был младше её на год. Тогда она вообще ничего не ощутила, только неудобство, от того, что к тебе прикасается совсем другой человек. Сейчас она буквально утонула в этом новом ощущении, стараясь продлить его как можно дольше. Они целова-

лись всю дорогу до её дома, расположенного в одном из спальных районов города, целовались в подъезде, пока она не услышала, что где-то наверху хлопнула дверь, и мамин перепуганный голос сказал, по всей видимости, отцу:

— Иди, ищи, уже первый час, а её нет!

Через неделю Пётр нашёл её в университете и как-то очень торжественно заявил:

— В воскресенье пойдём на Дворцовую, надо белоленточников поддержать. По всей стране митинги!

— Каких белоленточников? — удивилась Ириша. И она, и родители были людьми аполитичными, а подруги тем более.

— Ты не знаешь? Ну, темнота! Ладно, по дороге расскажу, идёшь или нет? — строго посмотрел он на неё, и Ира поняла, что он отказа не примет.

— Так, придётся проводить с тобой политзанятия, — обнял он девушку. — Я, например, с детства человек политизированный. Меня папа к этому приучил, постоянно дома политинформации устраивал. Правда, теперь наши взгляды разошлись, он красный и критикует власть слева, а я либерал и критикую власть справа. Папан, понятно, по Союзу сучает.

— А моя бабушка говорит, что в Союзе хорошо жили, все были одинаковые и никаких олигархов.

— В чём-то твоя бабушка и права. Олигархи в нашей стране — большая беда, а президенты им служат. Вот поэтому мы и идём с тобой

на митинг. Ты голосовала на выборах в парламент?

— Нет, мне только через месяц восемнадцать будет, — засмушалась Ира.

— А понятно, ты ещё и малыш. Малыш-Ириска — здорово! А я в этом году уже голосовал. Представляешь, как клёво, когда тебе доверяют определить будущее страны? Я, например, за партию «Яблоко» свой голос отдал. Это самая путёвая партия у нас. Правда, я в их программе толком ничего не понял. Предлагают землю народу раздать по сорок соток, типа пусть строятся и экономику поднимают. Я, может быть, тоже бы взял сорок соток и построил нам с тобой дом, детишек бы завели, курочек, — болтал без умолку Петька, — но зачем эти сотки тем, у кого дача есть или квартира? Ты как считаешь, Ириска? Ах, да, ты у нас вне политики. Так вот, по моим сведениям, все в Питере голосовали за «Яблоко», а они в Думу не прошли.

Ире было стыдно, что она ничего не понимает, но она верила другу на слово и слушала его с удовольствием. До Невского проспекта добрались на метро, потом быстрым шагом дошли до Арки Главного штаба на Дворцовой площади и в нерешительности остановились. Вся Большая Морская вплоть до входа на Дворцовую была заставлена большими крытыми машинами.

— Пека, извини, а зачем тут эти машины? Они очень похожи на те, что нам на дачу продукты привозят, — спросила Ира у приятеля, — только нет надписи «Продукты».

— Это не хлебовозки, это автозаки. Я в прошлом году их уже видел, когда участвовал в «Марше Несогласных». Они служат для перевозки преступников и этих самых несогласных. Наловит полиция кучку — и в автозак.

— Зачем? — удивилась перепуганная девушка.

— Как зачем? Чтобы очистить улицы от либеральной слизи, как говорят единороссы в Думе. Я в этом транспорте побывал, — беспечно болтал Петька. — Ударили пару раз дубинкой по спине, взяли под руки и повели в автозак.

— И что?

— Да ничего, привезли в участок, рассказали, как надо любить Родину. Я задавал много вопросов, и меня, как политически грамотного, отпустили. Ещё и руку на прощание пожали. Приходите к нам ещё, говорят, товарищ Шкодин, больно вы понятливый. Может быть, и другим подадите положительный пример.

— Врёшь ты все, — взволнованно и неуверенно сказала Ира. — Сознайся, врёшь или нет?

— Конечно! Или нет, — ответил Петька, когда они уже поворачивали на Дворцовую. — Ты что, мне не веришь? — посмотрел он на неё большими круглыми глазами. — Или, может быть, трусишь?

— Нет, не трушу. Просто ты так говоришь, что не знаешь, верить тебе или нет. Как-то не серьёзно.

— А глаза какие в этот момент?